

М. С. ГУРЫЧЕВА и Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВНОГО СЛОВАРНОГО ФОНДА ЯЗЫКА

Понятие основного словарного фонда языка было впервые с особой четкостью сформулировано в работе И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании»: «...все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов»¹.

Плодотворная сталинская идея о наличии более устойчивой, основной части словарного состава языка, естественно, вызвала большой интерес у советских лингвистов. Сама мысль о наличии в лексике языка устойчивого основного ядра обобщала объективные закономерности развития словарного состава; именно идея об основном словарном фонде языка, высказанная И. В. Сталиным, превратилась в одну из актуальнейших проблем советского языкознания.

Общее направление научно-исследовательской работы в области изучения основного словарного фонда языка, собственно, было уже определено в самом тезисе об основном словарном фонде, где четко указывались две его основные особенности: 1) историческая устойчивость слов основного словарного фонда (основной словарный фонд живет очень долго, в продолжение веков); 2) способность слов основного словарного фонда быть словообразовательной базой (основной словарный фонд дает языку базу для образования новых слов).

Из тезиса об основном словарном фонде языка логически вытекал и семантический критерий отнесения слов к основному словарному фонду, поскольку в основной словарный фонд входят и все корневые слова как его ядро. Следовательно, за вычетом этого ядра, остается известное количество слов, принадлежность которых к основному словарному фонду могла быть определена только на основании их семантических характеристик.

I

Советские лингвисты, естественно, направили свое внимание прежде всего на поиски различных категорий слов, точнее говоря, — слов, обозначающих определенные предметные группы, для того чтобы выяснить, какие семантические разряды слов обладают наибольшей исторической устойчивостью. Так, например, Е. М. Мельцер в статье «Об основном словарном фонде в словарном составе языка» (помещенной в журн. «Иностранные языки в школе», № 6 за 1951 г.) намечает следующие разряды исторически устойчивых слов: названия небесных светил, названия природных

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

явлений и стихий, слова, обозначающие близкое родство, а также названия частей человеческого тела и самого человека, числительные, названия наиболее распространенных пород деревьев, названия цветов и красок, названия времен года и предметов окружающей природы, названия предметов домашнего обихода и продуктов питания, предлоги, союзы, наречия времени, места, сильные глаголы, вспомогательные и модальные глаголы, личные и указательные местоимения. Менее подробно, но в сущности на те же категории слов указывают А. Д. Григорьева в своей статье «Учение товарища Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка»² и Т. В. Строева в статье «К вопросу об устойчивости основного словарного фонда в немецком языке»³.

Чаще всего в статьях, посвященных вопросу об основном словарном фонде языка, указывалось, что слова основного словарного фонда обозначают жизненно необходимые понятия, и этот тезис не вызывал почти никаких возражений и принимался преобладающим большинством советских лингвистов. Можно ли сказать, что поиски в этом направлении были абсолютно напрасными и бесплодными? Думаем, что этот путь в принципе не был порочен, потому что устойчивость слова в языке сама по себе не может быть случайным явлением, слово устойчиво прежде всего потому, что оно обозначает устойчивые по своему характеру реалии. Произвести классификацию этих устойчивых реалий и обозначающих их слов языка — значит во многом определить причины устойчивости слов основного словарного фонда. При этом необходимо отметить тот интересный факт, что устойчивость реалий вызывает устойчивость слов не в каком-либо одном конкретном языке, а во всех языках мира. Таким образом, проблема устойчивости слов основного словарного фонда становится общей лингвистической проблемой. Ниже мы позволим себе проиллюстрировать случаи исключительной исторической устойчивости некоторых категорий слов, привлекая материалы разных языков. При этом особое значение имеет сравнение слов одного языка со словами другого, родственного по происхождению, так как общие слова, наличествующие в родственных языках, часто преемственно ведут свое происхождение от языков-основ, существовавших за много тысяч лет до нашей эры.

Такой исключительной исторической устойчивостью прежде всего обладают местоимения. Ср. хотя бы личные местоимения первых лиц единственного числа в индоевропейских языках, например: лат. *ego* «я», греч. *ἐγώ*, гот. *ik*, др.-инд. *aham*; или лат. *tu* «ты», арм. *du*, соврем. нем. *du*, русск. *ты* и т. д. Особенно поразительна сохранность личных местоимений в современных тюркских языках. Не меньшей устойчивостью обладают и другие категории местоимений, как, например, вопросительные, относительные и т. д.

С местоимениями конкурируют числительные. Несмотря на громадное лексическое различие между существующими в настоящее время индоевропейскими и финно-угорскими языками, система числительных в этих языках обладает поразительной устойчивостью. Ср., например: русск. *два*, др.-инд. *dvam*, соврем. швед. *två*, нем. *zwei* (диал. *zwo* из *two*), лат. *duo*, греч. *δύο*, алб. *dy*; или русск. *три*, алб. *tre*, нем. *drei*, англ. *three*, др.-инд. *trayas*, лат. *tres*, греч. *τρεῖς* и т. д.; или фин. *neljä* «четыре», коми-зырянск. *нѣль*, марийск. *ныл*, мордовск. *ниле*, а также фин. *viisi* «пять» (основа *viite*), коми-зырянск. *вум*, марийск. *вич*, венг. *öt* и т. д.

² См. «Русский язык в школе», М., 1951, № 2, стр. 11—27.

³ См. сб. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», 2 [«Ученые записки Ленингр. ун-та», № 161. Серия филол. наук, вып. 181, Л., 1952, стр. 187—199.

Большой устойчивостью обладают некоторые слова, происшедшие из наречий и имеющие служебное значение, например предлоги. Ср. греч. *ἐν* «высоко» (*ἐναρξάνω* «восходить»), гот. *ana*; нем. *an* «на», русск. *на*; или греч. *ἐν* «в», лат. *in*, нем. *in*, алб. *në*, русск. *в* из *вн* и т. д.

К весьма устойчивой категории слов принадлежат различные названия явлений и предметов окружающей природы. Греческий язык в этом отношении дает весьма наглядные примеры. Ср. *ἥλιος* «солнце» из *sawelios*, лат. *sol*, латыш. *saule*, гот. *sauil*; или *ἀστὴρ* «звезда», лат. *stella* из *sterla*, соврем. перс. *setape*, др.-арм. *astel*, нем. *Stern*; или *νέφος* «облако», лат. *nebula* «туман», нем. *Nebel* «туман», др.-инд. *nabhas* «облако», русск. *небо*; *νύξ* «ночь», лит. *naktis*, нем. *Nacht*, алб. *natë*, лат. *nox* (род. падеж *noctis*) и т. д.

Эта же категория слов обнаруживается при сопоставлении слов современного персидского языка с соответствующими словами древнеперсидского и других древнеиранских и древнеиндийских языков. Ср. перс. *аб* «вода», др.-перс. *ar*; перс. *абр* «облако», авест. *atəra*; перс. *amān* «огонь», авест. *atarš*; перс. *афтаб* «солнце», др.-инд. *abhatapati* «согревает с обеих сторон»; перс. *асман* «небо», др.-перс. *asman*; перс. *бад* «ветер», авест. *vala*; перс. *бум* «страна», др.-перс. *bumi*, др.-инд. *bhumi*; перс. *дāryā* «море, большая река», др.-перс. *drayah* «море»; перс. *дуд* «дым», др.-инд. *dhumas*; перс. *bārf* «снег», авест. *vafra* и т. д.

Слова этой категории являются показательными как примеры исторической устойчивости слов и для финно-угорских языков. Ср. морд. *кал* «рыба», фин. *kala*; морд. *ков* «луна», фин. *kui*; морд. *кев* «камень», фин. *kivi*; морд. *пель* «облако», фин. *pilvi*; морд. *эй* «лед», фин. *jää*; морд. *ведь* «вода», фин. *vesi*; морд. *теште* «звезда», фин. *tähti*; морд. *тол* «огонь», фин. *tuli*; морд. *валдо* «свет», фин. *valo* и т. д.

То же самое подтверждается при сравнении слов этой категории в древненемецком и современном немецком языках. Например: др.-нем. *himil* «небо», соврем. нем. *Himmel*; др.-нем. *erda* «земля», соврем. нем. *Erde*; др.-нем. *bom* «дерево», соврем. нем. *Baum*; др.-нем. *fisc* «рыба», соврем. нем. *Fisch* и т. д.

Давно было также замечено, что названия частей человеческого тела, названия родственных отношений обладают также поразительной исторической устойчивостью. Ср. греч. *θυγάτηρ* «дочь», др.-инд. *duhita*, нем. *Tochter*, соврем. тадж. *духтар*; греч. *μήτηρ* «мать», др.-инд. *mata*, лат. *mater*, нем. *Mutter*, осет. *мад*. Об устойчивости этой категории слов свидетельствуют также иранские и финно-угорские материалы. Ср. перс. *абру* «бровь», авест. *brvat*; перс. *ангошт* «палец», авест. *angusta*; перс. *базу* «рука» (от локтя до плеча), авест. *bazi* и т. д. Ср. также морд. *кирья* «шея», фин. *kurkki* «горло», морд. *сельме* «глаз», фин. *selmä*; морд. *кель* «язык», фин. *kieli* и т. д.

То же самое подтверждается сравнением слов древненемецкого и современного немецкого языка. Ср. др.-нем. *fuot* «кулак», соврем. нем. *Faust*; др.-нем. *finger* «палец», соврем. нем. *Finger*; др.-нем. *fuoz* «нога», соврем. нем. *Fuß*; др.-нем. *hut* «кожа», соврем. нем. *Haut*; др.-нем. *ōga* «ух», соврем. нем. *Ohr* и т. д.

Следующую исторически устойчивую категорию слов составляют наиболее часто встречающиеся названия обычных качеств предметов. Ср. греч. *θερμός* «теплый», др.-инд. *gharmas*, арм. *dierm*, тадж. *гарм*, нем. *Warm*, лат. *formus*; греч. *νέος* «новый», лат. *novus*, лит. *laujas*, др.-инд. *nava*; др.-греч. *ὀρθός* «прямой», др.-инд. *urdhas*, др.-греч. *λευκός* «белый», лат. *lux* «свет» и т. д.

Правильность сделанного вывода также подтверждается иранскими и финно-угорскими лексическими материалами, а также материалами гер-

манских языков. Ср. перс. *bād* «плохой», пехлев. *vat*, арм. *vat*; перс. *bōzore* «большой», др.-перс. *vazraka*; перс. *bolānd* «высокий», авест. *ba-rezah*; перс. *nāxn* «широкий», авест. *paṇaka*; перс. *monok* «тонкий», др.-инд. *tanu*; перс. *džāvan* «молодой», др.-инд. *yuvan* и т. д. Ср. также фин. *korkea* «высокий», марийск. *курык* «гора»; фин. *valkea* «белый», марийск. *воладо* «светлый», венг. *világ* «свет» и т. д., а также др.-нем. *blā* «голубой», соврем. нем. *blau*; др.-нем. *grā* «серый», соврем. нем. *grau*; др.-нем. *tiof* «глубокий», соврем. нем. *tief*; др.-нем. *Wiz* «белый», соврем. нем. *Weiss*; др.-нем. *rot* «красный», соврем. нем. *rot* и т. д.

Поразительной исторической устойчивостью обладают также названия наиболее обычных и часто встречающихся действий, связанных с различным видом деятельности человека, а также характеризующих различные процессуальные признаки предметов окружающего мира. В этом отношении дает весьма показательные примеры древнегреческий язык. Ср. др.-греч. *ἄγω* «вести», лат. *ago*, др.-инд. *ajawī*; греч. *πίνω* «пить», алб. *pi*, лат. *bibo* из *ribo*; греч. *πλέκω* «плести», нем. *flechten*; греч. *δίδωμι* «давать», лат. *dare*, арм. *tal*, др.-инд. *dadami*, лит. *duoti*; греч. *φέρω* «нести», лат. *fero*, гот. *bairan* и т. д.

Иранские и финно-угорские лексические материалы свидетельствуют о том же. Ср. соврем. перс. *istodān* «стоять», лат. *stare*, др.-англ. *standan*, соврем. нем. *stehen*; перс. *bastān* «вязать» (корень *bānd*), нем. *binden*; ср. также морд. *паломс* «гореть», фин. *palaa*; морд. *автнемс* «открывать», фин. *avata* и т. д.

Есть еще и другие более или менее устойчивые категории слов, как-то: названия жилищ, предметов домашнего обихода, важнейших орудий труда и т. п., но мы считаем, что можно для иллюстрации ограничиться вышеприведенными, наиболее типичными категориями. Отличительной особенностью преобладающего большинства этих слов, сохраняющихся в течение многих столетий и тысячелетий, является способность образовывать большие гнезда производных слов или входить в качестве составного элемента в состав сложных слов. Так, например, современное перс. *ab* «вода», сохраняющее преемственность развития от др.-перс. *ar* «вода», в современном персидском языке входит в состав многих слов, например: *аббаз* «водолаз», *аббанд* «плотина», *абшар* «водонад», *абгир* «бассейн», *абпаз* «вареный в воде», *аброу* «водопровод» и т. д.

Древнегреческое слово *ἄρ* «воздух», связанное этимологически с древнегреческим глаголом *ἄρμι* «дуть» из *vaemi* (ср. русск. *веять*), в современном греческом языке входит в состав таких слов, как *ἀερίστῆρ* «вентилятор», *ἀεροβασία* «фантазирование», *ἀεροβόμβα* «авиабомба», *ἀεροδρόμιον* «аэродром», *ἀεροκοπάνιστρα* «болтовня», *ἀερομαχία* «воздушный бой», *ἀετοπορία* «авиация», *ἀεροπλανοφόρο* «авианосец», *ἀεροπλάνον* «аэроплан», *ἀεραμόνα* «противовоздушная оборона», *ἀέριον* «газ», *ἀεριογόνον* «карбюратор», *ἀερίφωσ* «газовое освещение», *ἀερίζω* «проветривать», *ἀέρισμα* «вентиляция» и т. д.

Латинское прилагательное *bonus* «хороший» в современном французском языке находится в составе таких слов, как *bonasse* «простой», «простодушный», *bonnement* «искренне», *bien* «хорошо», *combien* «сколько» и т. д.; лат. *caleo* «быть теплым» обнаруживается в таких производных словах французского языка, как *chaleur* «теплота», *chauffer* «топить», *échauffer* «согреть», *échauffaison* «сыпь от жара» и т. п.

Небезинтересно в этой связи проиллюстрировать словообразовательные возможности русского глагола *лететь*, приведенного в качестве примера в одной из работ акад. В. В. Виноградова. «Слово *лететь*, — пишет В. В. Виноградов, — дало языку базу для образования слов — *влететь*, *вылететь*, *долететь*, *залететь*, *налететь*, *облететь*, *отлететь*, *полететь*, *прилететь*, *пролететь*, *перелететь*, *подлететь*, *слететь*, *улететь*; сле-

теться, разлететься; летать, влетать, вылетать, долетать, залетать, налетать, облетать, отлетать... полет, налет, отлет, прилет... перелет, недолет, вылет, слет; летный, перелетный... летучий, летучка, летун, летчик... летательный и другие подобные»⁴.

Первый период разработки проблемы основного словарного фонда наряду с достижениями явно ощутимых успехов таил в себе и элементы серьезной опасности. Часть советских языковедов, изучая закономерности развития основного словарного фонда языка в полном отрыве от всей совокупности закономерностей, действующих в системе языка, прониклась верой в возможность установления абсолютно точных критериев слов основного словарного фонда⁵.

По мере дальнейшего изучения проблемы постепенно выяснилось, что не так уж малочисленны случаи, когда слова, принадлежащие по своему значению к категории исторически устойчивых слов, по каким-то совершенно непонятным причинам выпадают из основного словарного фонда, а иногда даже вытесняются иноязычными заимствованиями. Так, например, в коми-зырянском языке исчезло широко распространенное во многих финно-угорских языках слово *tol* «огонь» (ср. фин. *tuli*, эст. *tuli*, морд. *тол*, марийск. *тол*), будучи заменено новым словом *би* с тем же значением. В коми-зырянском и удмуртском выпало из основного словарного фонда общефинское слово *kive*, обозначающее камень (ср. фин. *kivi*, морд. *кее*, марийск. *кӱ*, венг. *kő*). Слово *борода* в некоторых языках оказывается заимствованным; ср. венг. *szakáll* «борода», заимствованное из тюркских языков (тур. *sakal*, чуваш. *сухал*); финское слово *parta* «борода» оказывается заимствованным из балтийских языков. По каким-то непонятным причинам марийский язык заимствовал из чувашского слово для обозначения пальца (чуваш. *пӱрне*, марийск. *парня*), а албанский язык слово для названия ресницы заимствовал из турецкого языка (алб. *qerpik*, тур. *kirpik*). Общеславянское слово *око* было вытеснено в истории русского языка словом *глаз*, первоначально обозначавшим «шарик». Широко известен факт заимствования новогреческим языком слова для названия усов из итальянского языка: новогреч. *ροστάκια*, итал. *mustacchi*. Слово основного словарного фонда латинского языка *caput* «голова» в истории французского языка было вытеснено словом *testa*, обозначающим буквально «черепок», откуда франц. *tête*. Даже такая устойчивая категория слов, как числительные, знает случаи иноязычных заимствований (ср. финское числительное *sata* «сто», представляющее заимствование из иранских языков).

Исследование исторического развития лексики греческого языка показывает, что целый ряд существительных и глаголов основного словарного фонда древнегреческого языка выбыл из основного словарного фонда современного греческого языка, будучи заменен синонимичными существительными и глаголами. Так, древнегреческий глагол *ποιέω* «делать» был вытеснен в новогреческом языке глаголом *κάνω*; исчез такой некогда распространенный глагол, как *βάλω* «бросать», исчезли глаголы *βόωμαι* «мочь», *βέωμαι* «видеть», *ἔμωμαι* «посылать» и многие другие. Исчезли такие

⁴ В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 29.

⁵ См., например, статью П. Я. Черных «И. В. Сталин об основном словарном фонде языка» (сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 133). В этой статье проф. П. Я. Черных пишет следующее: «Имеются ли такие критерии, при помощи которых мы могли бы любое слово с первого взгляда безошибочно определить, в одних случаях, как слово основного фонда, в других — как слово, выходящее за его пределы? — Нет, таких всеобъемлющих и исчерпывающих критериев пока еще у нас не имеется. Здесь одно слово «пока» уже говорит о том, что такие точные критерии, очевидно, могут быть».

некогда употребительные слова, как ἵππος «лошадь», οἶκος «дом», ναῦς «корабль», σελήνη «луна», ὄρος «гора», будучи заменены другими словами.

Более углубленное исследование также показывает, что степень устойчивости основного словарного фонда языка может быть неодинаковой в разных языках, развивавшихся в разных исторических условиях. Степень сохранности слов основного словарного фонда древнеперсидского языка в современном персидском языке оказывается значительно более низкой по сравнению со степенью сохранности основного словарного фонда древнорвежского языка в современном исландском языке. Несомненно, более бурная историческая жизнь Ирана, большая подверженность его влияниям других языков и народов явилась фактором, не благоприятствующим сохранению слов основного словарного фонда, тогда как замкнутая уединенная жизнь исландского народа на острове Исландия способствовала большей консервации языка и его основного словарного фонда.

Выяснилось далее также, что различные категории слов, причисляемых к исторически устойчивым, обладают весьма неодинаковой степенью устойчивости. Так, например, слова, отражающие понятия, связанные с бытом человека, его домом, утварью, одеждой и т. п., оказываются гораздо менее устойчивыми по сравнению с такими категориями слов, как названия частей человеческого тела, местоимения и т. п. И действительно, в этой категории слов встречается немало иноязычных заимствований; ср. хотя бы русские слова *башилык, колпак, армяк, шаровары, костюм, пальто* и т. д.

Неравномерность степени устойчивости наблюдается даже в пределах одной группы слов. Так, например, в словах качественного значения, т. е. прилагательных, по наблюдениям Т. В. Строевой, более прочными оказываются слова, которые отражают некие физические объективные признаки, как, например, цвет, измерение, физическое свойство. Качественные слова, имеющие оценочный характер, напротив, оказываются чрезвычайно непрочными. Кроме того, потери категории прилагательных, всевозможные синонимические замены и т. п. представляют явление довольно нередкое. Ср. др.-греч. ἐρυθρός «красный», соврем. греч. κόκκινος; др.-греч. μέλας «черный», соврем. греч. μαύρος. Даже в родственных языках сходные по значению прилагательные могут обладать большим разнообразием; ср., например, лит. *raudonas* «красный» и латыш. *sarkans*; лит. *juodas* «черный» и латыш. *melns*. Устойчивыми нередко оказываются слова, относящиеся к области технической терминологии; ср. др.-греч. слово κραιά «рея на мачте», сохранившееся в современном греческом языке и приобретшее дополнительное значение «антенна».

Далее выясняется также, что признак словообразовательной продуктивности оказывается не применимым к некоторым словам основного словарного фонда. Так, например, русские личные местоимения *я, ты, он, мы* и т. д. обладают ничтожными словообразовательными возможностями. Если от *я* и *ты* еще образуются глаголы *якать, тыкать*, то местоимение *он*, утратившее древнерусское производное *оний*, и местоимение *мы* абсолютно лишены словообразовательных возможностей. То же самое можно сказать и о числительных и названиях частей человеческого тела, которые не всегда характеризуются одинаковой словообразовательной потенцией. Если слово *голова* способно образовать гнездо производных, то слово *щека* обладает ничтожными словообразовательными возможностями.

Подвергается в настоящее время критике также и критерий общенародности. Некоторые лингвисты считают, что общенародным является весь словарный состав в целом. Многие признают, что основной словарный фонд и словарный состав представляют в языке настолько тесное единство, что провести в ряде случаев четкую грань между тем и другим не представляется возможным.

II

Все эти, казалось бы, весьма ценные сведения, являющиеся результатами более углубленной разработки проблемы основного словарного фонда, должны были бы плодотворно способствовать ее уточнению и совершенствованию, но они в действительности у некоторых советских лингвистов послужили основанием для полного отказа от наметившихся общих критериев принадлежности слов к основному словарному фонду. Само существование в языке основного словарного фонда не отрицается, но установленные критерии признаются недостаточными и противоречивыми. Среди лингвистов в настоящее время возникли два течения: представители одного из них считают, что необходимо искать какие-то новые и более совершенные критерии принадлежности слов к основному словарному фонду; они предлагают отказаться от универсализма и перенести центр внимания на изучение основного словарного фонда в конкретных языках при максимальном сужении объекта исследования: изучать основной словарный фонд в отдельных письменных памятниках или в пределах каждой части речи в отдельности. Представители другого течения утверждают, что вообще никаких общих критериев отнесения слов к основному словарному фонду установить невозможно. Теория основного словарного фонда является, по их мнению, наиболее полезной при историческом изучении лексики.

Неверие в возможность каких-либо общих критериев отнесения слов к основному словарному фонду отражается и в учебниках. Очень осторожно говорится об основном словарном фонде во второй части учебника по курсу введения в языкознание члена-корр. АН СССР Л. А. Булаховского. В главе II учебника («Лексикология») нет никаких критериев отнесения слов к основному словарному фонду. В разделе «Основной словарный фонд» просто говорится: «Каждый язык, как ни бедна может быть его лексика, на известном этапе существования не может не иметь в своем распоряжении таких, например, слов, как соответствующих русским *отец, мать, брат, сестра, мужчина, женщина, ребенок, голова, рука, плечо, нога, нос, ухо, вода, земля, небо, солнце, луна, звезды, огонь, день, ночь, дождь, зерно, дерево, трава, друг, враг, рана, зверь, птица, добрый, злой, твердый, мягкий, сильный, слабый, больной, черный, белый, горячий, холодный, больно, один, два, много, мало, кто? что? где?; пить, есть, спать, ходить, сидеть, лежать, работать, бежать, падать, летать, видеть, слышать, бить, болеть, говорить, кричать, звать, варить, брать, плыть, грести, плясать, каилять*.

Вместе с ростом культуры народа, в зависимости от условий его жизни и деятельности, основной словарный фонд может включать также много таких слов, которые нельзя отнести к необходимым в первом смысле названия «основной словарный фонд», но которые обязательно должны принадлежать даже и не развитому человеку, живущему в данной среде и в данную эпоху; ср., например, обязательно известные на несколько более высоком уровне цивилизации слова, передающие такие понятия, как: *мука, хлеб, окно, дверь, дом, двор, петух... конь, корова, утка, коза... сыр, железо, сталь... молоток, лопата, замок... улица, плата, порядок... стараться, покупать... учить, судить*⁶.

«Для современного нам русского человека, — замечает далее Л. А. Булаховский, — основным словарным фондом является очень большое число слов, которые надо считать общеизвестными, не нуждающимися в объяснении, общепотребительными и общепонятными независимо от того, где

⁶ Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., Учпедгиз, 1953, стр. 84—85.

он живет, какова его специальность и каков уровень его образования: *одежда, обувь, деньги, уют, плуг, топливо, кирпич, фундамент, армия, флот, милиция, оружие, лагерь, солдат, офицер, газета, колхоз, председатель, заместитель, секретарь, путевка, долг, школа, учебник, сахар, чай, конфета, коробка, упаковка, паек... грузовик, винт, сорт, машина, самолет... партия, инженер, агроном, рисовать... экономить, голосовать, являться, вникать*⁷. Хотя из этих примеров, приводимых Л. А. Булаховским, можно сделать много полезных выводов, но все же никакой теории основного словарного фонда в учебнике фактически не дано.

Нам кажется, что как поиски точных критериев отнесения слов к основному словарному фонду, так и упорное отрицание самих возможностей нахождения каких бы то ни было критериев основываются на одинаково ложных предпосылках. Лингвист, ищущий точные критерии отнесения слов к основному словарному фонду, понимает термин «критерий» как ярлык, который, будучи наклеен на слово, дает основание отнести каждое слово к той или иной рубрике. Лингвист, отрицающий возможность установления каких-либо критериев отнесения слов к основному словарному фонду, также понимает термин «критерий» как ярлык. Если этот ярлык не удастся с уверенностью наклеить в каждом конкретном случае, если хотя бы один из критериев основного словарного фонда не может быть применен, он начинает говорить о невозможности установления вообще каких-либо критериев отнесения слов к основному словарному фонду. Крайность той и другой точек зрения очевидна.

В самом деле, можно ли такие критерии слов основного словарного фонда, как историческая устойчивость и способность к словообразованию, считать во всех случаях абсолютно обязательными? Они могли бы быть обязательными, если бы в системе языка не существовало никаких других закономерностей, кроме закономерностей, характеризующих развитие слов основного словарного фонда. Дело в том, что слова основного словарного фонда не находятся под стеклянным колпаком наподобие международного эталона мер и весов в Париже. Они подвержены действию многочисленных закономерностей, проявляющихся в языке. Типичные закономерности развития слов основного словарного фонда потому иногда и нарушаются, что они прокладывают себе путь через действие других перекрывающихся закономерностей.

Эти закономерности, действуя иногда в совершенно ином направлении, могут нарушать собственные закономерности, присущие словам основного словарного фонда. Помимо того, слова основного словарного фонда связаны с устойчивыми реалиями, которые сами являются неодинаковыми по своей природе и характеру. А некоторые лингвисты, узнав, например, что слово *ноготь* обладает ничтожными словообразовательными возможностями, начинают говорить о непригодности критерия. На самом деле слово *ноготь* не перестает от этого относиться к основному словарному фонду, поскольку оно продолжает относиться к категории слов, обозначающих устойчивые реалии, которые сами по себе отнюдь не одинаковы по своей значимости и открывают отнюдь не одинаковые возможности для всякого рода ассоциативных переносов их названий и т. д.

Или те же лингвисты, замечая, что слово основного словарного фонда заменилось синонимом, например, что др.-греч. *κῆρ* «корабль» заменилось словом *πλοῖον*, также начинают заявлять о непригодности критерия, об отсутствии устойчивости слова основного словарного фонда. На самом деле в нашем примере слово основного словарного фонда «корабль», относясь к категории слов, обозначающих устойчивые реалии, не пере-

⁷ Л. А. Булаховский, указ. соч., стр. 85.

стало от этого быть словом основного словарного фонда. В данном случае перекрещивающаяся закономерность — подмена синонимом — нарушила присущую этой категории слов тенденцию к исторической устойчивости. Точно так же исчезновение в русском языке слова *око* и замена его словом *глаз* отнюдь не обозначает, что слово *око* вообще не является словом основного словарного фонда, хотя оно и может выпадать из него. Здесь также перекрещивающаяся закономерность, состоящая в возможности замены другим словом, нарушила типичную для слов основного словарного фонда закономерность исторического развития. Обращение к другим языкам, например к современному персидскому, где слово *нав* «корабль» сохраняется по сей день, и к литовскому, где слово *akis* «глаз», соответствующее русскому *око*, также до сих пор сохраняется, лишний раз доказывает несомненное наличие у слов основного словарного фонда этой типичной для них закономерности.

Марксизм строит свои выводы и обобщения не на регистрации случайного и спорадического, а на основании типического и закономерно проявляющегося. Слова языка, обозначающие устойчивые реалии, устойчивые предметы и явления, в силу специфического характера этих устойчивых реалий не могут не иметь особых закономерностей, выражающихся в стремлении к длительной сохранности этих слов на протяжении многих столетий и тысячелетий. Длительная историческая сохранность слова, устойчивость обозначаемого словом основного словарного фонда предмета или явления открывает широкие возможности для ассоциативной филиации названий, для образования гнезд производных. Конечно, перекрещивающиеся закономерности в ряде случаев могут нарушать закономерности, присущие развитию слов основного словарного фонда, но, нарушая последние в отдельных случаях, они их не нарушают полностью и не ликвидируют.

Не отдельные аномалии, исключения дают основание для суждения о правомерности отнесения тех или иных слов к основному словарному фонду, а общие закономерности развития категории слов, обозначающих устойчивые реалии, устойчивые понятия и явления. Следовательно, такие критерии словословного словарного фонда, как историческая устойчивость, обусловленная устойчивостью самих реалий, и способность к словообразованию, как наиболее типичные для слов данной категории, должны безусловно приниматься во внимание.

Другим не менее сложным вопросом, связанным с проблемой основного словарного фонда, является вопрос о необходимости семантического критерия и, в частности, вопрос об общенародности слов основного словарного фонда, об обозначении ими предметов, являющихся жизненно важными и необходимыми. Формула: «Основной словарный фонд включает слова, жизненно важные и необходимые» — сама по себе не точна и двусмысленна. Для общества, народа в конечном счете жизненно важными и необходимыми являются все слова, в том числе научные и технические термины. Современное общество не может существовать без производства. Различные виды производства являются необходимейшим условием существования современного общества. Следовательно, весь словарный состав языка, во всей совокупности его составляющих компонентов, исключая классовые жаргоны, является необходимым и важным для общества в целом. Поэтому вышеуказанное выражение само по себе, без точного указания на характер самой необходимости, еще ничего не говорит. Не отличается большой определенностью и термин «общенародные слова», хотя он и более отчетливо отражает специфику слов основного словарного фонда.

Сферу слов, принадлежащих к основному словарному фонду, необходимо прежде всего определить рамками общенародного разговорного

койне, характеризующегося нейтральным стилем речи. Слова разговорного языка обычно свободны от какой-либо специализации или сугубой технизации, являются одинаково понятными всем слоям общества. Такие слова современного русского языка, как *спички, чай, сахар, деньги, колхоз, грузовик, инженер, агроном, газета, электричество, радио, флот, голосовать, экономить, рисовать* и т. п., несомненно являются словами основного словарного фонда. Поэтому выражение «слова жизненно важные» лучше заменить выражением «слова коммуникативно значимые», т. е. являющиеся типичными и необходимыми для широкого общения всех слоев общества. В этом состоит их общенародность.

В современной лингвистической литературе не раз поднимался вопрос о разграничении различных значений слова. К основному словарному фонду языка стремились относить только основные значения слов. Все переносные, идиоматические, образные, фразеологические и структурно обусловленные значения слов рекомендовано было в основной словарный фонд не включать. Действительно, у слова, имеющего так называемое свободное, понятийное значение, связанное с выражением непосредственной сущности предмета или явления окружающего мира, образуется нередко огромное количество различных образных, метафорических, фразеологических и конструктивно ограниченных значений.

Мы считаем, что выделение свободного значения слова, как необходимого показателя слова основного словарного фонда, и отнесение всех остальных значений к области словарного состава является искусственным. Во-первых, здесь нарушается сам принцип. Слово разрывается на части, из которых одни начинают относиться к основному словарному фонду, а другие к словарному составу языка. Образные и метафорические значения слова обычно являются не менее коммуникативно значимыми и узаконенными в лексической системе языка, чем его свободное значение. Совершенно другую проблему составляет разграничение омонимов. Например, если слово *перо* в русском языке обозначает не только часть кожного покрова птицы, но также и орудие письма и вместе с тем одновременно употребляется в судоводительной и судостроительной технике (например, *перо руля*) и в воровском жаргоне, где это слово имеет значение «финский нож», то естественно, что два последние омонима не должны включаться в основной словарный фонд.

Итак, остаются в силе следующие несомненные критерии отнесения слов к основному словарному фонду языка:

- 1) устойчивость слова на протяжении длительных исторических периодов, как типичная особенность слов, обозначающих устойчивые реалии, предметы и явления;
- 2) способность слов основного словарного фонда служить базой словообразования;
- 3) общенародность, выражающаяся в широком обращении слов основного словарного фонда и их понятности для всех без исключения слоев общества; вместе с тем их коммуникативная значимость в сфере разговорного языка, обеспечивающая общение между собою всех слоев общества.

Весьма сложным является вопрос о том, насколько коррелятивны все эти три критерия. Совершенно ясно, что их взаимокорреляция не обязательна, поскольку каждый из них имеет разные обоснования: устойчивость слова на протяжении длительных исторических периодов связывается прежде всего с устойчивостью самих обозначаемых словом реалий. Способность слов основного словарного фонда служить базой словообразования определяется сложными и мало изученными законами использования слова, и, наконец, в основе общенародности лежат факторы чисто

социальные, определяющие общенародное распространение слова и его общую социальную потребность.

Однако и в данном случае мы не попадаем в заколдованный круг, несмотря на все многочисленные возможности несовпадения всех трех критериев. Единство критериев обусловлено типичной для слов основного словарного фонда взаимокорреляцией, специфической для каждого отдельного языка. Словообразовательная потенция весьма часто совпадает с фактом устойчивости. Общенародность слова также в большинстве случаев соотносима с его более или менее длительной устойчивостью. И в данном случае мы берем за основу наиболее типичное, а не взаимоисключающее и единичное, возможное, но не имеющее массового характера проявления. Настаивать на полной корреляции всех трех критериев — значит абстрагироваться от специфики самого языка и особенностей законов его исторического развития.

Таким образом, критерии основного словарного фонда следует понимать не как ярлыки, а как характерные особенности определенных категорий слов, выражающиеся в характерных тенденциях их исторического развития. Конечно, проявление этих тенденций сплошь и рядом может нарушаться действием перекрещивающихся закономерностей иного характера, но упорное стремление к проявлению этих тенденций может быть объяснено только наличием специфических особенностей слов, обозначающих устойчивые реалии.

III

При анализе этого вопроса особый интерес представляют некоторые работы акад. В. В. Виноградова, посвященные проблеме основного словарного фонда. В данном случае мы имеем в виду его статью «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка». Акад. В. В. Виноградов в этой статье рекомендует обратить внимание на отдельные частные вопросы, связанные с изучением проблемы основного словарного фонда. «Закономерности изменения основного словарного фонда, — замечает акад. В. В. Виноградов, — естественно, могут быть разного характера. Прежде всего изменяется, хотя и медленно, состав основного словарного фонда: одни слова уходят из него, отмирают, другие входят в него, укореняются в нем... Во-вторых, видоизменяются и развиваются значения слов основного словарного фонда... В-третьих, ответвляются от первичных корневых слов новые производные слова, т. е. возникают новые лексико-семантические ряды или цепи слов на основе самого же основного словарного фонда... В-четвертых, происходит образование омонимов, например, *свет* — мир, вселенная и *свет* — сияние...»⁸. Большая часть слов, относящихся к основному словарному фонду, говорит далее акад. В. В. Виноградов, многозначна и семантически насыщена. Вопрос о том, какие слова легче всего и больше всего вовлекаются в круг фразеологических образований, у нас мало исследован. Между основным словарным фондом языка и включающим в себя этот фонд общим словарным составом языка наблюдается структурная взаимосвязь.

Таким образом, в статье акад. В. В. Виноградова раскрывается важность изучения деталей и частных, но в ней отнюдь не отрицаются общие критерии слов основного словарного фонда, без наличия которых само существование анализируемой категории слов становится вообще нереальным.

⁸ В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», стр. 164.

Задачей советских лингвистов при разработке проблем основного словарного фонда и должно быть усиление внимания к изучению конкретных путей и способов проявления закономерностей исторического развития слов основного словарного фонда на фоне действия всех других закономерностей, проявляющихся в системе языка в процессе его исторического развития. Немарксистский отрыв проблемы основного словарного фонда от других проблем исторического развития языка — абсолютно недопустим. Изучение этой проблемы в отрыве и изоляции создает почву для нездорового нигилизма.

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных задач изучения основного словарного фонда по отдельным и наиболее важным проблемам.

1. Проблема исторической устойчивости слов основного словарного фонда

Прежде всего требует глубокого теоретического обоснования вопрос о причинах устойчивости слов основного словарного фонда в тесной связи с изучением природы устойчивых реалий. Особое внимание должно быть обращено на более дробную классификацию предметных и лексических групп и на выявление в полной мере всех возможных категорий слов, обладающих тенденцией к длительной исторической устойчивости и сохранности.

Не менее пристального внимания требует вопрос о выяснении неодинаковой степени устойчивости. Чем объяснить, например, меньшую степень устойчивости слов, отражающих понятия, связанные с общественными отношениями, областями культуры и науки, производства и т. п.; чем объясняется меньшая устойчивость оценочных прилагательных по сравнению с прилагательными, обозначающими объективные признаки; вызывается ли смена слов в этих случаях изменением самих устойчивых понятий реалий или они связаны с действием перекрещивающихся закономерностей, наблюдаемых в развитии самого словарного состава языка. Требуется также детального изучения вопрос о характере противоборствующих тенденций в развитии словарного состава, вопрос о причинах вытеснения слов основного словарного фонда иноязычными заимствованиями и синонимами того же языка.

Не получила необходимого освещения в нашей лингвистической литературе проблема различной сохранности слов основного словарного фонда в языках, развивавшихся в разных исторических условиях (например, персидского и исландского), а также проблема исчезновения и выветривания основного словарного фонда языка-основы на протяжении весьма длительных исторических периодов, исчисляемых многими тысячами лет. Не изучены в достаточной степени случаи проникновения в основной словарный фонд иноязычных заимствований, отличающихся более сильной экспрессивной окраской, не изучены взаимоотношения между синонимическими словами разноязычного происхождения, бытующими в том или ином конкретном языке. Необходимо организовать специальные исследования в области наблюдения над процессом взаимопроникновения сфер основного словарного фонда разных языков, находящихся в условиях особо тесного контакта и взаимодействия. Особенно удобными в этом отношении являются Башкирия, отличающаяся исключительно смешанным составом населения, а также некоторые районы Сибири, Узбекистана, Таджикистана и Кавказа.

Наиболее трудной и сложной проблемой является выяснение исторически устойчивой категории слов в современных развитых языках. Насколько позволяют судить предварительные наблюдения, современные высоко-

развитые языки, исторически изменяясь, не только преемственно влекут за собой такие группы слов, как названия явлений природы, наиболее обычных действий и процессов, названия частей человеческого тела и родственных отношений, но и многие другие слова, относящиеся к области абстрактных и отвлеченных понятий, различных научных, технизованных и даже технических терминов.

Совершенно естественно, что эта проблема не может быть успешно решена без разрешения проблемы исторически изменяющегося и количественно увеличивающегося фонда устойчивых понятий и устойчивых реалий. У нас же пока нет еще исследований, посвященных таким вопросам, как выяснение роли архаизованных литературных языков, нарочито торжественных и архаизованных литературных стилей и др., т. е. факторов, способствующих более длительной консервации отживающей лексики. Разработка этих частных вопросов поможет шире и глубже раскрыть и проблему исторической устойчивости слов основного словарного фонда.

2. Проблема роли слова основного словарного фонда как базы словообразования

Наиболее актуальным в этой области является изучение причин разной величины словообразовательной потенции слов основного словарного фонда. Важно выяснить, объясняется ли низкая степень словообразовательных возможностей самой природой устойчивых реалий (например, низкая словообразовательная потенция слов *бровь*, *щека* и т. п.) или она зависит от других факторов. Нередко наблюдается, что слово основного словарного фонда создает благоприятные предпосылки для проникновения в язык новых слов из родственного языка, обычно языка более древнего периода, используемого иногда в качестве языка литературы или языка культа.

Особенно показательные примеры в этом отношении дает французский язык. Так, например, франц. *fils* «сын», восходящее к лат. *filius*, и *fille* «дочь», восходящее к лат. *filia*, оказались своеобразным центром притяжения новых слов из латинского языка. В XII в. появляется слово *fillement* со значением «крестник» из лат. *filiolus*. В XIII в. получает распространение слово *filiation* «родство» (из позднелат. *filiatione*). В XIV в. появляется глагол *affilier* «принимать в члены общества» от лат. *affiliare*. Наконец, в XV в. появляется слово *filial* со значением «филиал, отделение» от латинского прилагательного *filialis*. Несомненно, что наличие в основном словарном фонде французского языка слова *fils* значительно облегчало проникновение в его словарный состав производных слов от той же основы.

Та же самая проблема возникает и перед русистами. Совершенно очевидно, что проникновение в русский язык многих церковно-славянизмов облегчалось сходными по звучанию и значению исконными словами русского языка и их производными. Некоторыми лингвистами был отмечен тот факт, что слова более общего значения, выражающие родовые понятия, обладают значительно большей словообразовательной продуктивностью. Так, если мы обратимся к примерам из области лексики социальных отношений, то можем установить некоторую общую закономерность. Из ряда слов со значением «властитель», «правитель» наиболее продуктивным во французском языке оказалось слово *maître* от лат. *magister* «начальник», «правитель», «учитель», давшее такие производные, как *maîtresse* «хозяйка», *maîtrise* «господство», *maîtrisable* «укротимый», *contremaître* «старший рабочий».

Слова сходного значения, но выражавшие более частные понятия вла-

сти, связанные со спецификой феодального общества и обозначающие власть феодалов, оказались менее продуктивными. Таковы, например, слова *seigneur* «господин» от лат. *senior* и *souverain* от лат. *superanum*; ср. также итал. *sovrano* «повелитель», продуктивность которого значительно ниже, чем у слова *maestro*, образующего такие производные, как *maestranza* «цех», *maestrevole* «мастерской», *maestria* «мастерство», *ammaestramento* «обучение», *ammaestrativo* «поучительный», *ammaestrare* «учить», «наставлять» и т. д.

Было также замечено, что более сложная смысловая структура чаще всего способствует развитию производных. Из двух слов латинского языка со сходным значением *terra* и *humus* «земля» в романских языках более жизнеспособным оказалось *terra* (ср. франц. *terre*, исп. *tierra*, итал. *terra*, рум. *țară*), которое обозначало одновременно и землю, и планету, и сушу, и почву, и страну. Слово *humus* сохранилось во французском языке со значением «чернозем» и не дало производных в течение всей истории французского языка. Наоборот, слово *terra* оказалось продуктивным во всех романских языках и дало начало целому ряду производных, появившихся в языках в течение всей их истории. Так, например, во французском языке появился глагол *terrauter* «обкладывать перегноем», в XX в. там же возник глагол *atterir* «снижаться», «приземляться» и существительное *atterissage* «снижение», «приземление»; ср. также итал. *atterrare* «приземляться», *atteragio* «приземление», исп. *atterrizaje* «приземление», *atterrizar* «приземляться», рум. *aterizare* «приземление».

Эти интересные факты несомненно требуют детального изучения. Было также отмечено, что словообразовательная продуктивность слов в том или другом языке может зависеть от смысловых соотношений между словами, от места слова в лексической системе языка. Так, например, понятие «женщины» и «жены» во французском и испанском языках выражается одним словом (*femme* по-французски, *mujer* по-испански); в итальянском языке понятие «женщины» и «жены» лексически дифференцировано: *donna* «женщина», *moglie* «жена». Слово *moglie*, имеющее значение «жены», мало продуктивно. Производные от слова *donna* более многочисленны и развивают значение «женщина», «госпожа»; ср., например, глагол *donnegiare* «властвовать», «командовать».

Понятие «девушка», «девочка» и «дочь» выражено во французском языке одним словом *fille*. Слово это мало продуктивно, от него существуют лишь производные с уменьшительным суффиксом, например *fillette*. В итальянском языке понятие «девушки», «девочки» и «дочери» дифференцировано средствами лексики. Так, слово *figlia*, имеющее значение «дочь», образовало ряд производных, например *figliastra* «падчерица», *figliata* «выводок», *figliatura* «роды у животных», *figliatrice* «плодовитая» и многие другие. Продуктивны в смысле словообразования также слова *fanciulla* и *bambina*, обозначающие «девушка», «девочка». Лексически дифференцированы эти понятия и в испанском языке: *hija* «дочь», *niña*, *chica* «девочка», *muchacha*, *moza* «девушка». Все эти слова дают производные и образуют словообразовательные гнезда. Разумеется, и подобного рода факторы требуют более углубленного исследования на материалах конкретных языков и дальнейших обобщений.

Можно предполагать, что реализации словообразовательной способности слов в значительной мере способствует лексическая дифференциация понятий. Особенно наглядно это подтверждается материалами греческого языка. Греческий глагол *γράφω* «писать» — этимологически родственный немецкому глаголу *kerben* «делать зарубку» — в глубокой древности, очевидно, имел то же значение, что и указанный немецкий глагол, обладающий почти ничтожными словообразовательными возможностями. Весьма

вероятно, что греческий глагол *γράφω* обладал бы и по сей день ничтожными словообразовательными возможностями, если бы он сохранил свое прежнее значение. Однако приобретение нового значения «писать» влило в этот глагол необычайную жизненную силу. Семантическое разветвление корня *γραφ-* в современном греческом языке поражает своим многообразием. Ср. *γράμμα* «буква», *γραμμή* «линия», *γραφείο* «бюро», *γραφειοκρατία* «бюрократия», *γραφιστός* «почтовая марка», *γραφιστής* «секретарь» и т. д.

В зависимости от приобретения словом различных значений может усиливаться или понижаться степень частотности его употребления. Так, например, приобретение коми-зырянским словом *ур* «белка» значения «копейки» намного усилило общую частотность его употребления и, наоборот, утрата новогреческим словом *κρύσταλλος* «лед», «хрусталь» значения «льда» очень сильно сократило частотность его употребления.

Некоторые наблюдения заставляют думать, что в синонимическом ряду слов особой продуктивностью отличаются слова с наиболее общим значением. Так, в синонимическом ряду французских слов *claire* «изгородь», *haie* «плетень», *clôture* «загородка», *grille* «решетка» наиболее продуктивным оказывается слово *clôture*, имеющее более общее значение и давшее в XIX в. глагол *clôturer* «обнести изгородью». Слово *clôture* обозначает «ограду из любого материала, каменную, деревянную или металлическую изгородь», *haie* обозначает только «изгородь или деревянную решетку», *grille* — «металлическую решетку». То же наблюдение мы можем сделать относительно слов-синонимов со значением «мальчик». В синонимическом ряду, состоящем из французских слов *garçon*, *gamin*, *galopin*, *bambin*, слово *garçon*, выражающее данное понятие без привходящих оттенков эмоционально-оценочного характера, оказалось более продуктивным по сравнению со своими синонимами.

Была также подмечена особая продуктивность глаголов, обозначающих трудовые процессы, и глаголов передвижения. Примером может служить французский глагол *faire* «делать», имеющий во французском языке целое гнездо производных и входящий в качестве компонента в довольно большое количество неделимых фразеологических сочетаний.

Поразительной словообразовательной продуктивностью отличается испанский глагол *andar* «идти», от которого возможны следующие производные: *andada* «хождение», *anderos* «детский стул», *andadero* «скиталец», «бродяга», *andado* «модный», «обыденный», «поношенный», *andadura* «ходьба», *andana* «ряд», «линия», *andanada* «бортовой залп», *andante* «ходящий», «странствующий», *andanza* «случай», *andarin* «скороход», *andarivel* «канат, по которому ходит паром», *andarrios* «трясогузка», *andas* «носилки», *anden* «перрон», *andito* «галерея» и т. д.

Привлекает к себе внимание также факт наличия разных путей осуществления продуктивности слова. Так, например, от слова *opera* «работа», «дело» в итальянском языке образованы следующие производные: *operoso* «деятельный», «трудолюбивый», *operosità* «деятельность», «активность», *operativo* «действующий», «оперативный», *operato* «действие», «поступок», *operetta* «небольшое произведение», «оперетта» и т. д. Соответствующее ему французское слово *œuvre* почти не дает производных, образованных средствами аффиксации. В словарях французского языка приводятся лишь немногочисленные производные от него типа *œuvrer* «заниматься делом», *desœuvrer* «оставлять без дела».

Продуктивность этого слова проявляется в той же мере в словосложении (ср. *hors d'œuvre* «закуска», *chef d'œuvre* «шедевр», «выдающееся произведение», *manœuvre* «маневр») и в образовании устойчивых словосочетаний, характеризующихся единым значением (*œuvre d'art* «художественное произведение», *œuvres mortes* «надводные части судна», *œuvres vives* «под-

водные части судна» и ряд других лексикализованных словосочетаний). В разных языках по-разному взаимодействуют между собой всевозможные способы обогащения словарного состава. Продуктивность слов основного словарного фонда не одинаково реализуется в тех или иных языках. Аффикация может по-разному сочетаться с семантическими и синтаксическими способами словообразования. Все эти вопросы могут быть объектом детального изучения и исследования.

Особый интерес представляют случаи, когда происходит расщепление значения слова, в результате дающее омонимы, и когда в пределах одного словообразовательного гнезда образуются два центра ориентации образования новых слов, которые обычно ведут к появлению двух, уже семантически не связанных словообразовательных гнезд.

Так, например, во французском языке образование омонимов *feuille* «лист дерева», *feuille* «лист бумаги» вызвало образование производных слов по двум линиям. *Feuille* в значении «лист дерева» образует производные: *feuillé* «покрытый листвой», *feuillu* «густолиственный», *feuiller* «покрываться листьями», *feuillage* «листва», *feuillaison* «облиствение». У второго омонима существуют производные *feuillelet* «листок книги, тетради», *feuilleter* «перелистывать», «бегло читать», *feuilleton* «фельетон», *feuilletoniste* «фельетонист».

Имеются также случаи утраты семантической связи между отдельными звеньями ряда производных; ср. франц. *fin* «конец» и производное от него *finance*, что первоначально обозначало «окончание платежей». В итоге данного семантического развития слово *finance* утратило связь со словом *fin* и может рассматриваться как непроединное слово в словарном составе современного французского языка, образующее собственный небольшой ряд производных слов: *financement* «финансирование», *financer* «финансировать». Точно так же в современном итальянском языке слова *gentile* «благородный» и *gente* «люди» утратили между собою семантическую связь и дали начало двум словообразовательным гнездам.

Весьма интересны случаи, когда после утраты стержневого слова гнездо производного оказывается в пределах словарного состава языка. Древнегреческое слово *ὄφθαλμός* «глаз» в современном новогреческом языке вытеснено словом *μάτι* (по происхождению уменьшительное от др.-греч. *ὄμμα* «глаз», затем *ὀμμάτιον*, буквально: «глазок»). Существующий ряд производных от прежнего слова *ὄφθαλμός* включает только медицинские термины: *ὄφθαλμιατρεῖον* «глазная лечебница», *ὄφθαλμολόγος* «окулист», *ὄφθαλμόρροια* «слезотечение» и т. д. Однако все это только отдельные частные наблюдения, не имеющие массового характера и не дающие еще возможности широких и прочных обоснованных обобщений.

3. Проблема взаимосвязи основного словарного фонда и словарного состава языка

Необходимо заметить, что эта область является наименее разработанной. Центральным вопросом этой проблемы является вопрос об изучении основных причин перехода слов из основного словарного фонда в словарный состав языка и обратно. Имеющиеся наблюдения крайне немногочисленны. Было отмечено, что проникновение слова в основной словарный фонд изменяет его взаимоотношения с синонимами. Так, при проникновении в основной словарный фонд французского языка глагола *tirer* в XIV в. изменились его соотношения с синонимами *traire* и *trainer*: *tirer* потеряло оттенок значения «тянуть силой», а *traire* закрепилось в значении «доить коров».

Выпадение слов из основного словарного фонда и переход их в основную часть словарного состава нередко сопровождается определенными морфологическими и семантическими процессами. При выпадении слова из основного словарного фонда оно может утратить свои формы и занять, таким образом, обособленное место в грамматическом строе языка. Так, например, из основного словарного фонда французского языка выпал глагол *gésir*, сохранившись в современном французском языке в форме 3-го лица единственного числа в выражении *ci-gît* «здесь покоится».

Семантические процессы также сопровождают движение слов из основного словарного фонда на периферию. Можно думать, что эти процессы качественно отличны от тех, которые возникают при проникновении слов в основной словарный фонд. В последнем случае семантические процессы могут быть различны по своему характеру. Эти процессы могут заключаться в полном переосмыслении значения слова в связи с приобретением им как более общего, так и более специализированного значения.

При движении слов из основного словарного фонда в словарный состав обычно происходит специализация. Слово получает распространение в какой-либо специальной терминологии или в каком-либо одном стиле речи. Так, например, французский глагол *œuvrer*, вытесненный из основного словарного фонда глаголом *travailler* «работать», получил особое распространение в профессиональной лексике в значении «обрабатывать», «обделывать». Употребление другого французского глагола *ardre* (синонима глагола *brûler*) при выпадении из основного словарного фонда сильно ограничилось и закрепилось лишь в значении «пылать». В лексической системе французского языка этот глагол принадлежит к числу архаизмов. Испанский глагол *catar* в значении «смотреть», «созерцать» при выпадении из основного словарного фонда приобретает значение «дегустировать».

Интересна разнипа в положении слова коми-зырянского языка *гундыр* «мифологическое двуглавое существо», упоминаемого в некоторых фольклорных произведениях, и этимологически родственного ему удмуртского *гондыр*, имеющего значение «медведь». Оттеснение слова *гундыр* в коми-зырянском языке к области словарного состава, очевидно, связано с сильным изменением и специализацией его значения.

Несомненно правильным является предположение о наличии периферийных сфер лексики, находящихся на границе между словарным составом и основным словарным фондом. Требуется теоретического обоснования и более детального исследования вопрос о периферии основного словарного фонда.

4. Проблема развития основного словарного фонда языка

Наиболее важным вопросом в этой области является изучение путей и способов обогащения основного словарного фонда, особенно за счет иноязычных заимствований. Исключительное значение имеет этот вопрос для наших национальных республик, языки которых постоянно обогащаются за счет русского языка. Обширную область исследования представляет обогащение основного словарного фонда языка за счет появления новых значений, особенно за счет появления омонимов. В лингвистической литературе был поднят вопрос о роли основного словарного фонда как источника образования устойчивых фразеологических единиц, однако исследование этого вопроса еще не достигло необходимой глубины и не имеется еще достаточно большого фактического материала.

Наиболее важным и актуальным вопросом является изучение основного словарного фонда современных высокоразвитых языков. Уже простая интуиция подсказывает, что здесь существуют какие-то особые и

специфические закономерности. Во-первых, количество устойчивых групп слов в современных языках значительно увеличилось. Появились новые группы, обладающие особыми свойствами. Во-вторых, значительно усложнились взаимоотношения между основным словарным фондом и словарным составом языка, особенно взаимоотношения словарного фонда с областью технической и научной терминологии. В-третьих, появились новые устойчивые реалии и обозначающие их слова типа: *электричество, почта, телефон, радио* и т. п. Все эти и другие многочисленные вопросы еще ждут исследователя.

Понятия основного словарного фонда и словарного состава основываются на глубоком и верном понимании объективных законов развития языка. Их упорядочивающая и организующая роль при изучении многообразных и специфических по своему характеру закономерностей исторического развития лексики, а также при исследовании весьма сложных взаимоотношений различных типов и категорий слов в синхронной системе языка весьма велика.